

ЮРИЙ ЛЮКШИН

Заслуженный художник России

График, иллюстратор книг, педагог, организатор выставок и конкурсов детского рисунка, создатель авторской благотворительной программы «Краски добра». Родился в 1949 году в Ленинграде. Художественное образование получил в училище им. В. А. Серова (окончил в 1971 году). С 1978 года член Союза художников России. Участник более трёхсот выставок в России и за рубежом, из которых шестьдесят персональных. Работы художника находятся во многих музейных собраниях, в том числе: в Государственном Эрмитаже, Государственном Русском музее, Государственной Третьяковской галерее, Музее изобразительных искусств им. Пушкина,

Музее Метрополитен (Нью-Йорк) и Музее Людвиг (Кёльн).

Юрий Люкшин — обладатель двух золотых медалей (Осенний салон, Париж, 1984 год; Биеннале графики, Лейпциг, 1989 год), двух серебряных медалей (I Биеннале графики, Пекин, 1998 год; Российской Академии художеств, Москва, 2004 год) и многих других престижных наград.

ФРИДРИХ ШИЛЛЕР И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДОБРЕ И ЗЛЕ

Прикосновение к теме

10 ноября 2009 года исполнилось 250 лет со дня рождения Фридриха Шиллера. Эта знаменательная дата прошла практически незаметно для нашего культурного сообщества. А ведь именно немецкий гений, гораздо более чем иные зарубежные писатели, оказал влияние на золотой — XIX — век отечественной литературы. Мы, к сожалению, редко сегодня размышляем об этом.

Непосредственное знакомство русской интеллигенции с произведениями Фридриха Шиллера и благотворное влияние их на нашу литературу начались очень рано: ещё в 1793 году талантливый студент Московского университета Николай Сандунов, будущий обер-секретарь Сената, а позднее известный профессор-криминалист, перевёл с оригинала драму «Разбойники». В этом же году пьеса была сыграна воспитанниками Благородного пансиона при Московском университете. Это произошло всего через десять лет после того, как Шиллер прославился на родине.

Миллионы, веселитесь,
Миллионы, обнимитесь,
Как объемят брата брат!
Лобызайтесь все стократ!

Н. М. Карамзин. Песнь мира

История переводов Шиллера на русский язык — значимая часть истории самой русской литературы. Первый перевод знаменитой «Оды к радости»

был осуществлён поэтом, публицистом и великим русским историографом, автором «Истории государства Российского» Николаем Карамзиным. Горячий призыв к миру, любви, человеческому братству был необыкновенно созвучен глубоко религиозной душе Карамзина. Можно сказать, что в перевод он вложил частицу своего сердца, даже позволил себе изменить название на более всеобъемлющее — «Песнь мира», понимаемое им как некий завет всему человечеству:

Цепь оставьте, миллионы,
 Дети одного отца!
 Вам даны одни законы,
 Вам даны одни сердца!
 Братски, нежно обнимитесь
 И клянитесь — любить!
 Чувством, мыслию клянитесь:
 Вечно, вечно в мире жить!

Вслед за Карамзиным «Оду к радости» переводили ещё много раз; в этом своеобразном поэтическом турнире участвовали такие русские поэты, как Фёдор Тютчев, Владимир Бенедиктов, Константин Аксаков и др.

О Шиллере, о славе, о любви...
А. С. Пушкин

Но история отношений русской литературы и Шиллера не исчерпывается лишь переводами. «Солнце русской поэзии» Александр Пушкин, скажем, никогда не переводил германского поэта, так как не знал немецкого языка. Однако имя Шиллера включено Пушкиным в перечень самых заветных тем, которые волновали умы передовых русских людей. В пору работы над трагедией «Борис Годунов» он просил брата прислать драматические произведения Шиллера. Герой романа «Евгений Онегин» Владимир Ленский перед дуэлью «при свечке, Шиллера открыл». Это многое объясняет читателю в поступках неисправимого романтика. Ленский воспринимал окружающий мир с шиллеровской бескомпромиссностью. Накануне гибели он словно сверял свои поступки с уроками кумира.

Находясь в ссылке в своём имении Михайловском, Пушкин в знаменитом стихотворении «19 октября» (1825) посвящённом лицейской годовщине, мысленно обращается к своим лицейским друзьям, в том числе к Вильгельму Кюхельбекеру:

Я жду тебя, мой запоздалый друг, —
 Приди; огнём волшебного рассказа
 Сердечные преданья оживи;
 Поговорим о бурных днях Кавказа,
 О Шиллере, о славе, о любви.

Как видим, в «сердечные преданья» друзей-романтиков неизбежно и неизменно входит имя Шиллера.

Вы, журавли под небесами,
Я вас в свидетели зову!
Да грянет, привлечённый вами,
Зевесов гром на их главу.
Ф. Шиллер. Ивиковы журавли.
Перевод В. Жуковского

Старший друг Александра Пушкина поэт Василий Жуковский стал создателем подлинной антологии музыки Шиллера. Он перевёл несколько десятков самых известных баллад и лирических стихотворений Шиллера и Гёте, издав их в 1818 году шестью отдельными выпусками под общим заголовком «Для немногих». Однако вскоре они стали известны воистину всем российским любителям поэзии и вошли в золотой фонд отечественной литературы.

К сожалению, великие поэты XX века уже значительно реже обращаются к Шиллеру. Но следует отметить блистательный перевод «Ивиковых журавлей», сделанный Николаем Заболоцким. В балладе проводится мысль о неотвратимости возмездия за совершённое злодеяние. Если нет среди людей свидетелей содеянного, то сама природа становится обвинителем, и преступник непременно выдаёт себя:

И вдруг услышали все гости,
Как кто-то вскрикнул на помосте:
«Взгляни на небо, Тимофей,
Накликал Ивик журавлей!»
И небо вдруг покрылось мглою,
И над театром сквозь туман
Промчался низко над землёю
Пернатых грозный караван.

Вообще поэтический образ журавлей удивительно близок русскому сердцу. Да и весь этический пафос творений Шиллера, поучение о нравственных основах жизни, желание наставить людей на добрые дела не могли не привлекать русских писателей. Но, возможно, более всего оказались созвучны Фёдору Достоевскому.

...он, вместе с Жуковским,
в душу русскую всосался
Ф. М. Достоевский

Достоевский справедливо писал, что французский Конвент, посылая Шиллеру — «другу человечества» — патент на право гражданства, и не подозревал, что Шиллер окажется «гораздо роднее и гораздо национальнее» на другом краю Европы. По словам Достоевского, он у нас «в душу русскую всосался, клеймо в ней оставил, почти период в истории нашего развития обозначил».

Хочу отметить, что Фридрих Шиллер был в некотором роде старшим братом великой русской литературы XIX века. С Николаем Карамзиным его разделяло 7 лет, с Василием Жуковским — 24 года, с Александром Пушкиным — 40 лет, с Фёдором Достоевским — 62 года. Менялось время, естественно менялось и отношение к Шиллеру. Думаю, что Достоевского более всего привлекало глубокое (напрашивается определение — «библейское») понимание мира и открытая проповедь христианских идеалов. Более всего любил Достоевский «Разбойников», драму, написанную совсем юным, 22-летним поэтом. Но гениальные произведения нередко создаются молодыми: достаточно вспомнить «Бориса Годунова», написанного Пушкиным в 25 лет. Шиллер не случайно в детстве мечтал стать проповедником. Не получив официальной церковной кафедры, он, безусловно, проповедовал со страниц своих произведений.

Могу надеяться, что я достойно отомстил
за религию и истинную мораль
Ф. Шиллер

В авторском предисловии к «Разбойникам» написано: «И теперь во вкусе времени изощрять своё остроумие насчёт религии, так что, пожалуй, и не прослывишь гением, если не станешь издеваться и кощунствовать над священнейшими её истинами. Чуть ли не во всех кругах принято за правило, чтобы так называемые острые головы позорили благородную простоту Священного писания и представляли её в смешном виде. Разве всё самое святое и серьёзное не может быть осмеяно — стоит только умышленно извратить его? Могу надеяться, что я достойно отомстил за религию и истинную мораль тем, что в лице постыднейших своих разбойников предаю общественному позору легкомысленных порицателей Священного писания. <...> Замечательная развязка моего произведения даёт мне право отвести ему место в ряду так называемых нравственных книг. Порок получает должное воздаяние; заблудший вступает вновь на путь закона; добродетель остаётся победительницею. Кто хотя настолько поступит со мною справедливо, что прочтёт всю мою книгу и захочет понять меня, тот — смею ожидать — если и не станет восхищаться мной как писателем, то глубоко будет уважать во мне честного человека».

Не думаю, что современники до конца поняли эту благородную проповедь. Шиллер становится флагом революционеров, а его драма понимается как некий призыв к свержению несправедливого общественного устройства и установлению «царства равенства, братства и свободы». Его обожает французский Конвент, буквально заливший страну кровью во имя светлых идеалов. Но ведь Шиллер-то как раз и предрекал трагедию революции. Невозможно построить «царство Божие» на крови, даже если это кровь грешников. Карл Моор пытается — и терпит страшный крах:

«К а р л М о о р. О, я глупец, мечтавший исправить свет злодеяниями и блюсти законы беззаконием! Я называл это мщением и правом! <...>. Вот я стою у края ужасной бездны и с воем и скрежетом зубовным познаю, что

два человека, мне подобных, могли бы разрушить всё здание нравственного миропорядка! Умилосердись, умилосердись над мальчишкой, вздумавшим предупредить Твой суд! Тебе отмщение, и Ты воздашь! Нет нужды Тебе в руке человеческой...»

Шиллер даёт миру страшное предостережение. Но разве человечество когда-нибудь слушало своих пророков? Проходит всего несколько лет, и во Франции разгорается кровавая революция. Кто уже задумывается о Божьем суде, человек сам считает себя Богом, вершителем судеб мира. Судьба этих вершителей всегда печальна, но только свой безрадостный конец они встречают, оставив за собой множество страшных, убийственных злодеяний.

О, как тяжко гнетут меня эти злодеяния!
Ими отравлено лучшее из того, что я сделал.
Карл Моор

Фёдор Достоевский, один из самых религиозных русских писателей, прошедший каторгу, повидавший на своём веку множество разбойников, в том числе так называемых благородных (он красноречиво описал их в «Записках из Мёртвого дома»), глубоко разделял взгляды Шиллера. Он пишет роман «Бесы», изображая русских революционеров иногда запутавшимися и несчастными, но чаще страшными, нераскаянными людьми, отринувшими Бога и его законы. Настоящим ищадем ада предстаёт в романе Пётр Верховенский, глава тайного общества, готовый послать на смерть миллионы ради построения какого-то умозрительно справедливого общества будущего. Его предтечей явно выступает герой «Разбойников» Шпигельберг. Его цинизм, полное презрение к чужой человеческой жизни, его откровенные рассказы о том, какими грязными методами вербует он бандитов в свою шайку, просто потрясают.

Думаю, тесно связан с «Разбойниками» и другой персонаж Достоевского — Родион Раскольников. Конечно, это уже герой новой эпохи, увлечённый модными теориями: люди делятся на «необыкновенных», прокладывающих новые пути человечеству, и обычных, призванных служить «материалом», из которого раз или два в столетие и рождаются «необыкновенные». На «необыкновенных» нормы морали и законы не распространяются — значит, они могут даровать сами себе право на преступление, разрешить себе, «по совести», пролитие чужой крови, «перешагнуть» через неё, если это нужно для проведения в жизнь их идеи. И Раскольников сначала пишет об этом статью в журнал, а затем пытается на практике проверить, кто же он: «материал», «тварь дрожащая» — или «право имеет»? И он решает убить старуху-процентщицу, мечтая с помощью её денег, несправедливо нажитых, как ему представляется, совершить множество добрых дел: избавить сестру от нелюбимого жениха, помочь семье Мармеладовых и другим несчастным, самому закончить университет и заняться наукой. Разве этими богоугодными делами не «загладится преступление»? Но, убив старуху-процентщицу, Раскольников в страхе убивает и её сестру,

случайно оказавшуюся в квартире, добрую, смиренную Лизавету, никому на свете не причинившую зла. Так сразу же терпит крах теория, что можно убивать «плохих», чтобы облагодетельствовать «хороших».

Карл Моор тоже вначале бахвалится своими справедливыми убийствами:

«К а р л М о о р (*вытягивает правую руку*): Видите эти четыре драгоценных перстня у меня на руке? <...>. Этот рубин снят с пальца одного министра, которого я на охоте мёртвым бросил к ногам его государя. Выходец из черни, он лестью добился положения первого любимца; падение предшественника послужило ему ступенью к высоким почестям, он всплыл на слезах обобранных сирот. Этот алмаз я снял с одного финансового советника, который продавал почётные чины и должности тому, кто больше даст денег, и прогонял от своих дверей скорбящего о родине патриота. Этот агат я ношу в память гнусного попа, которого я придушил собственными руками за то, что он в своей проповеди плакался на упадок инквизиции. Я мог бы рассказать ещё множество историй о перстнях на моей руке...»

Но рядом с этими убийствами рука об руку идут убийства невинных стариков, женщин, детей, совершённые заодно, непреднамеренно:

«К а р л М о о р. <...> мститель небесный! Чем виноват я, да и ты, если ниспосланные тобою мор, голод, потопы равно губят и праведника и злодея? Кто запретит пламени, которому назначено жечь осиные гнёзда, перекинуться на благословенные нивы? Но детоубийство? Убийство женщин? Убийство больных? О, как тяжко гнетут меня эти злодеяния! Ими отравлено лучшее из того, что я сделал».

Итог злодеяний всегда один — суровое наказание. Но и Шиллер, и Достоевский приводят своих героев к полному раскаянию, публичному признанию своей вины, готовности пострадать, принести жертву за свои преступления, заслужив этим прощение читателей.

И тут нелишне вспомнить статью Виссариона Белинского о Пушкине (1844), где знаменитый критик называет Шиллера «поэтом гуманности, жрецом свободы духа, на разумной любви основанной, поборником чистого разума». И говорит далее, что «... сердце его вечно исходит самую живую, пламенную и благородную кровью любви к человеку и человечеству, ненависти к фанатизму религиозному и национальному, к предрассудкам, к кострам и бичам, которые разделяют людей и заставляют их забывать, что они братья друг другу».

Я думаю, что под этой характеристикой немецкого гения подписался бы и Фёдор Достоевский.

...оба из «Разбойников» Шиллера, а я,
я сам в таком случае уж Regierender Graf von Moor!
Фёдор Павлович Карамазов

В своём последнем романе «Братья Карамазовы», где писатель достигает философского осмысления христианства и русского православия,

Достоевский вступает даже в некий диалог с автором «Разбойников». Внимательный читатель может это легко обнаружить. Оба произведения — это семейные драмы, драмы отцов и детей. Конечно, немецкий и русский гении не могли не выйти за рамки истории одного рода и не поговорить с читателем о самых главных вопросах, волнующих всё человечество.

Начало «Разбойников» относит нас к евангельской притче о блудном сыне. И хотя Максимилиан Моор в чём-то походит на библейского патриарха, благословенной встречи отца с раскаявшимся сыном Карлом не происходит. И дело тут не только в «злом гении» Франце Море, своими жестокими интригами разрушившем возможное семейное счастье. Трагедия гораздо глубже. Герой, Карл Моор, который на словах всё время обращается к Богу, живёт, на самом деле, уже совершенно не придерживаясь его заповедей. Так происходит постепенное разрушение его личности, и как следствие — крушение самих основ патриархальной семьи.

Трагедия, показанная Достоевским, ещё страшнее. Есть в начале романа очень важная сцена, когда в келье старца Зосимы собирается семья Карамазовых для исповеди и примирения. Святой старец, уже немощный и больной, являет столько любви и нежности — он готов уврачевать застарелые раны всех участников этой драмы. Но дивная возможность прощения и очищения от греха взаимной ненависти превращается в фарс:

«<...> Фёдор Павлович вскочил со стула.

— Божественный и святейший старец! — вскричал он, указывая на Ивана Фёдоровича. — Это мой сын, плоть от плоти моя! <...> Это мой почтительнейший, так сказать, Карл Моор, а вот этот сейчас вошедший сын, Дмитрий Фёдорович, и против которого у вас управы ищу, — это уж непочтительнейший Франц Моор, — оба из „Разбойников“ Шиллера, а я, я сам в таком случае уж *Regierender Graf von Moor!* Рассудите и спасите! Нуждаемся не только в молитвах, но и в пророчествах ваших.

— Говорите без юродства и не начинайте оскорблением домашних ваших, — ответил старец...»

Достоевский, уж конечно, не случайно вкладывает в уста старшего Карамазова имена шиллеровских персонажей. Безобразной издёвкой выглядит само сравнение безнравственного и развратного Фёдора Павловича с благородным графом Моором. Человек, никогда не любивший своих сыновей и не занимавшийся их воспитанием (они в основном росли по чужим людям), пытается представить себя несчастным отцом семейства. Какое жалкое и чудовищное сравнение! Да, в изображении крушения христианского мироустройства Достоевский шагнул куда дальше своего немецкого кумира. Уже не только сыновья, помышляющие об отцеубийстве, но и сам старик отец полностью погряз в грехах.

Для многих героев Достоевского можно отыскать своеобразных прототипов в «Разбойниках». Побочный сын графа Моора Герман и незаконнорожденный сын Фёдора Карамазова Смердяков — оба всю жизнь терпят жестокие унижения, ненавидят своих отцов, готовы на отцеубийство.

Но в последний момент в Германе просыпается сострадание, он не может свершить задуманное. Смердяков же идёт до страшного конца...

Вообще мир трагедии Шиллера более гиперболизирован; он во многом восходит к античному театру, не знающему полутонов. Трагический мир Достоевского, казалось бы, проще, будничнее, он описан без пафоса, с известной долей юмора во многих местах повествования. Но в своей обыденности он производит ещё более угрожающее впечатление.

Явно перекликаются у двух авторов и образы добрых стариков слуг, окружавших любовью и лаской хозяйских детей: Даниель в «Разбойниках» и лакей Григорий в «Братьях Карамазовых». Дети выросли и забыли своих благодетелей и их добрые наставления. Но если Карл Моор в благодарность хотя бы суёт в руки преданного слуги тяжёлый кошелёк, то Дмитрий Фёдорович не только не благодарит, но и бьёт своего доброго воспитателя металлическим пестиком по голове, едва не убив. Сказать при этом, что у Дмитрия Карамазова злое сердце, — нельзя: с каким искренним чувством цитирует он брату Алёше отрывки из «Оды к радости», с каким благоговением взирает на старца Зосиму! Нет, в нём много, много ещё есть человеческого. Не зря смиренный старец поклонился ему в ноги, предвидя будущие его искупительные страдания.

Безусловно, связаны у двух писателей и образы священнослужителей. Шиллер показывает их явными духовными антагонистами. Патер — лишь озлобленный фанатик, даже не помышляющий о всепрощающей христианской любви. Пастор Мозер, напротив, наделён множеством достоинств, добр и милостив. Ещё явственнее противоречия между двумя монахами, насельниками одного монастыря в «Братьях Карамазовых»: старцем Зосимой и отцом Ферапонтом. Достоевский с глубочайшим проникновением в дух и букву христианства показывает два пути русского православия. Отец Ферапонт — это суровое, страшное в своём фанатизме, косное, вечно пугающее человека «геенной огненной», безжалостное крыло церковнослужителей. Старец Зосима — это открытая людям и миру, широкая, всеохватная, просвещённая, осеняющая всё вокруг светом евангельской любви часть русского священства. Поучения старца проникнуты смирением, милосердием, всепрощением (прообразом ему послужил великий старец XIX века Амвросий Оптинский): «Пред иною мыслью станешь в недоумении, особенно видя грех людей, и спросишь себя: „Взять ли силой али смиренною любовью?“ Всегда решай: „Возьму смиренною любовью“. Решишься так раз навсегда и весь мир покорить можешь. Смирение любовное — страшная сила, изо всех сильнейшая, подобной которой и нет ничего. На всяк день и час, на всякую минуту ходи около себя и смотри за собой, чтоб образ твой был благолепен».

Великие слова... В своём позднем романе Достоевский выступает как пророк, но, к несчастью, споры о путях Церкви в России и мире не утихают и сегодня.

Да весь мир познания не стоит тогда
этих слёзок ребёночка к «боженьке»

Иван Карамзов

В своём небольшом размышлении я попытался показать, как много общих духовных и нравственных исканий связывало Фридриха Шиллера и Фёдора Достоевского. Конечно, отождествлять их было бы сильным преувеличением. «Разбойников» и «Братьев Карамазовых» разделяет без малого век. У них совершенно разный язык, разная манера обращения к читателю. Достоевский был к тому же намного старше своего немецкого собрата, за ним ощущается глубина и сложность жизненного пути. Но в главном они — едины: будущее счастье всего человечества не стоит одной «слезинки ребёнка». Нельзя строить Рай на костях людей. Всемогущей и всепобеждающей может быть только любовь.

Есть в «Разбойниках» один эпизод, написанный Шиллером словно с зияющей раной в сердце. Для того чтобы спасти своего товарища Роллера, разбойники поджигают город. При пожаре погибает много невинных людей:

«Ш в е й ц е р. Шуфтерле, сколько там погибло народу?

Ш у ф т е р л е. Говорят, восемьдесят три человека. <...> Подумаешь, важность! Добро бы это ещё были мужчины, а то всё грудные младенцы, <...> да сторбленные старухи, <...> да ещё иссохшие старики <...>. Иду я мимо одной лачуги и слышу какой-то писк, заглядываю — и что же вижу? Младенец, пухлый такой и здоровый, лежит под столом, а стол уже вот-вот вспыхнет! „Эх ты, горемыка, — сказал я, — да ты тут замерзнёшь!“ — и швырнул его в огонь».

Карл Моор потрясён, не в состоянии поверить услышанному, проклинает негодяя и выгоняет из шайки. Даже сердце жестокого разбойника не способно вынести подобное злодейство.

Но разве не об этом же пишет и Достоевский, когда Иван Карамзов со слезами рассказывает брату Алёше о страданиях замученных палачами детей? Иван восстаёт на того, кто, по его мнению, позволяет пролиться «слезинке ребёнка». Иван восстаёт на Бога. Но всей системой образов романа Достоевский показывает: дети страдают от зла, порождаемого человеком, а не Богом. Бог наделил человека свободой, а значит, и ответственностью; и нет такого зла в мире, ответственность за которое можно с себя снять, ибо «всё, как океан, всё течёт и соприкасается, в одном месте тронешь — в другом конце мира отдаётся». А потому «ты-то и есть за всех и за вся виноват».

Заканчивая свои размышления, я хотел бы напомнить, что и Германия, и Россия пытались в середине XX века, каждая на свой манер, построить прекрасное общество для своих народов, полностью игнорируя Бога, заповеди любви и милосердия.

Итог этих попыток обернулся самой страшной войной в истории человечества и многими миллионами утраченных человеческих жизней. Ни немцы ни русские не смогли услышать те заветы, которые оставили в своих произведениях два мировых гения — Фридрих Шиллер и Фёдор Достоевский. Но у нас ещё есть надежда...

Будем же читать и перечитывать.